

*Быть может, родина ее на островах Таити.
Быть может, ей всегда всего пятнадцать лет.*

Надежда Тэффи, 1915

*Судьба плетет узоры смело,
И цель рисунка не видна.*

Т.А.Щепкина-Куперник, 1919

Белла Георгиевна Шеншева, на сцене — Бэ-ла Казароза, она же Казароза-Шнырева, Казароза-Яковлева, наконец Казароза-Волкова, как написано на ее надгробии, — моя двоюродная бабушка, сестра деда по маме. Когда-то я дал ее сценическое имя героине моего романа «Казароза», породив тем самым фантомного двойника реальной эстрадной артистки 1910-х, о чем теперь запоздало сожалею. Подлинная жизнь этой женщины интереснее любых ее литературных преломлений.

До того, как я решил написать о ней, история маленькой певички и танцовщицы была мне известна только в главных ее эпизодах. Прочее пришлось восстанавливать из обломков чужих судеб, частью которых она была, и обмолвок близких ей людей, вспоминавших о ней, мертвой, прежде всего то, что могло понравиться ее последнему мужу. Их переписка пропала вместе с большей частью его архива,

Леонид Юзефович

а разыскать ее письма к другим героям этой книги я не сумел, и вряд ли они вообще где-либо существуют. Трудно представить, чтобы кто-то из ее именитых корреспондентов посчитал нужным сохранить их для потомства.

Уцелели две вещи, принадлежавшие Казарозе и переданные моему деду после ее смерти: изготовленный из какого-то сплава, покрытый облупившейся серебряной амальгамой кофейник с рельефным розаном на крышке, вмятиной на боку и одной отломанной ножкой, и вышедшее из Абрамцевских мастерских трехногое деревянное кресло с резьбой в стиле модерн — точно в таком сидит Мика Морозов на знаменитом портрете кисти Валентина Серова. Обе вещи говорят о своей хозяйке больше, чем если бы ими владел мужчина. Я учел их показания в этой книге.

Дед моей героини, Лейзер-Вульф Шеншев, в чьей фамилии слышатся древнееврейские слова «зуб» и «семь», был одним из тех мальчиков, которых еврейские общины при Николае I обязаны были поставлять на военную службу в качестве рекрутов. Назывались они кантонистами, поскольку обучались в особых кантонистских, т.е. гарнизонных, школах, после чего 25 лет служили нижними чинами в армии, или 20 лет — во флоте. Обычно их вынуждали креститься; лишь самые стойкие выдерживали давление и не изменяли вере предков. Лазарь, как писалось его русифицированное имя, Шеншев принадлежал к последним, но и такие, как он, отслужив свой срок, имели право проживать за чертой оседлости.

Выйдя в отставку, он осел в Кронштадте, из чего следует, что его служба проходила на корабле или в какой-то береговой команде на Балтике, за-

писался в мещанское сословие, женился и родил двоих сыновей. На них распространялась привилегия свободно выбирать место жительства, но его старший сын Гирш, ставший Григорием, по закону считался военнообязанным; семь лет, как полагалось при Александре III, он прослужил на кронштадтском военном телеграфе, проведенном для связи с отдаленными фортами, принимал и отправлял сигналы по аппарату Морзе и носил на погонах отличительный знак этого рода войск — два переплетенных между собой двойных красных зигзага со стрелочками на обоих концах. В запасе числился «старшим сигналистом» и с начала 1900-х владел магазином писчебумажных принадлежностей по адресу: Николаевский проспект, №53. Как обычно в то время, наряду с канцелярскими товарами в нем продавались книги и журналы. Квартира Григория Лазаревича и его жены Шейны Абрамовны, урожденной Левитан, находилась в том же доме.

Не считая умершей в младенчестве дочери, у них было четверо детей: три девочки и мальчик, мой дед. Старшая из всех — моя героиня. Она родилась 14 (26) марта 1889 года, под знаком Овна, первым из трех знаков стихии огня. Впрочем, в то время, в отличие от нашего, на такие вещи никто внимания не обращал. Вряд ли Беллочка Шеншева вообще об этом знала. Стройняшка и хорошенькая девочка рано перестала расти и даже по меркам

Таитянка из Кронштадта

семьи, состоявшей отнюдь не из великанов, была очень маленького роста.

Со временем Григорий Лазаревич стал Георгием Львовичем, но крестился ли он вместе со всем семейством или так и остался в лоне иудаизма, мне неизвестно. Знаю только, что его старшая дочь, моя героиня, точно стала христианкой; правда, перешла не в православие, а в дававшее все гражданские права и житейски менее обременительное лютеранство, как поступали тогда многие российские евреи. Это объясняет, каким образом ей удалось сохранить свое отсутствующее в святцах имя — брать при крещении новое лютеранину было не обязательно. Она дважды выходила замуж за православных, и проблем у нее не возникало: в Российской империи гражданский брак допускался только для старообрядцев, но браки между православными и представителями других христианских конфессий признавались законными, если венчание совершалось по православному обряду. С третьим русским мужем ее соединил уже советский ЗАГС.

Со временем Георгий Львович завел при магазине издательство, выпускал почтовые карточки с видами Кронштадта; после русско-японской войны, когда шло обновление русского флота, к городским достопримечательностям добавились военные корабли на кронштадтском рейде: построенный на пожертвования забайкальского казачества эска-

Леонид Юзефович

дренный миноносец «Забайкалец», бронепалубный крейсер «Паллада», заменивший плененного в Порт-Артуре тезку, линкоры «Слава» и «Петропавловск». Открытки с их фотографиями продавались в семейном магазине и хорошо раскупались.

Расширяя производство, Георгий Львович обратился к книжной продукции. Большой удачей для него стал казенный заказ на издание двух книг по медицине — это годовые «Протоколы заседаний Общества морских врачей в Кронштадте» и снабженный 40 рисунками труд флотского врача Новикова «Краткие заметки по болезням зубов и их извлечению». Во введении автор пишет, что «болезни зубов наравне с сифилисом, алкоголизмом и чахоткой подрывают народное благосостояние и здоровье, борьба с этими бичами рода человеческого должна быть направлена к тому, чтобы в широкие массы народа проникали гигиенические сведения, знание которых спасет не одну жизнь и поднимет общее благосостояние». Автор кажется оторванным от жизни идеалистом, однако ему хватило упорства и энергии организовать зубо врачебные кабинеты на всех военных кораблях 1-го ранга, входивших в состав «флота Балтийского моря». Сам Новиков заведовал таким кабинетом не где-нибудь, а на крейсере «Аврора».*

* Чепик Г.С., Карпова Т.Н., Савицкая О.А. Морской врач Новиков // Морская медицина. 2017. 3 (1). С. 101–105.

Таитянка из Кронштадта

В расчете на покупателей из матросов и простых горожанок, Георгий Львович отдельными тоненькими брошюрками печатал тексты песен в жанре городского романса, но с поправкой на морскую специфику; среди них — очень популярная в матросской среде «Грусть моряка», которую могла знать даже далекая от ее целевой аудитории Беллочка Шеншева:

Не смотри на меня, не завидуй,
Что тельняшка на мне и бушлат.
Я красив сам собой только с виду,
А душа — вся в плену и слезах!
<...>
Был я весел и молод когда-то,
Был я молод и горя не знал —
Это море во всём виновато,
Это флот мою молодость взял!

Домашнее музицирование у Шеншевых не практиковалось, никто ни на каких инструментах не играл. Моя героиня унаследовала музыкальность от каких-то более далеких предков. В пятнадцать лет она попробовала поступить на младший курс консерватории по классу вокала, но ее «общее музыкальное развитие» было признано неудовлетворительным. Взнос в размере трех рублей, уплаченный за возможность держать приемные экзамены, родителям не вернули, о чем они были предупре-

ждены заранее, а из необходимых для поступления документов уцелел единственный — справка о «привитии» незадачливой абитуриентке оспы.

Фотографические карточки требовали только у тех, кто был старше семнадцати лет. Ни одной детской фотографии моей героини я не видел, и ни одна история из ее детства до меня не дошла. Можно лишь предположить, что ей запомнились прогулки в Петровском парке, возле памятника Петру I, и то, как на кораблях в гавани разногласия звонят колокола, отбивая склянки. Еще один претендент на ее детскую или, скорее, отроческую память — необычайно долгий грохот орудий, когда летом 1902 года стоявшие на Большом рейде броненосцы и миноносцы тридцатью одним выстрелом салютовали прибывшему в Кронштадт на яхте «Гогенцоллерн» кайзеру Вильгельму II; в тот день кронштадтцы стекались на берег в надежде увидеть его встречу с царем. Георгий Львович со старшей дочерью могли стоять в этой толпе, а два года спустя — в другой, провожавшей на Дальний Восток корабли несчастной 2-й Тихоокеанской эскадры адмирала Рожественского.

Из книг, которые она тогда читала, с уверенностью можно назвать разве что учебник Кашкина по элементарной теории музыки. Отец оплачивал ей уроки пения и игры на фортепиано. В 1907 году, окончив гимназию, Беллочка Шеншева поступила в вокальный класс музыкальной школы Даннемана

Таитянка из Кронштадта

в Петербурге*, где ее учителем стал солист Мариинского театра, тенор Иосиф Томарс; одно время она даже жила и столовалась у него в квартире на Загородном проспекте. Его жена держала маленький домашний пансион для учениц мужа.

С Томарсом они разучили несколько оперных партий для лирико-колоратурного сопрано. Позже, в поисках работы заполняя анкету для театрального агентства, она перечислит самые удавшиеся: Джильды из «Риголетто», Лакме из «Лакме», Снегурочки из «Снегурочки», Церлины из «Фра Дьяволо», наконец, Прилепы в дуэте с Миловзром из «Пиковой дамы»:

Мой миленький дружок,
Любезный пастушок,
О ком я воздыхаю
И страсть открыть желаю.

Из всех этих арий лишь песенка пастушки с гуттаперчевым именем отдаленно перекликается с ее будущим репертуаром.

Совсем молодой она побывала у художника Константина Сомова, и тот записал в дневнике мне-

* Располагалась на углу Чернышева переулка и Троицкой улицы.

Леонид Юзефович

ние хорошо знакомого с ней Александра Бенуа: «Бенуа говорит, она очень умна». Впрочем, ее ум был на побегушках у музыкального и художественного вкуса: к политике и социальным вопросам она относилась по-обывательски, воспринимая их как нечто важное, но далекое от ее собственной жизни.

Большую часть ее личной библиотеки составляли книги, которые она привезла с собой при переезде из Петрограда в Москву в 1922 году и держала отдельно от книг мужа. Они пропали, но сохранился их список. Едва ли не половина номеров в этом реестре — сборники стихов, остальное — ноты, каталоги выставок, художественные или театральные журналы и книжки вроде собранных под одной обложкой лекций профессора Гербера «Человеческий голос и его гигиена». Романов и вообще прозы — мало.

Драматический класс в школе Даннемана вел Борис Пронин, будущий отец «Бродячей собаки», а танцевальный — хореограф Валентин Пресняков. В 1908 году Даннеман решил открыть для учеников театральную студию — и по совету Пронина руководство ею доверил уже признанному в театральных кругах Мейерхольду. На занятия к нему приглашались все желающие изучать «теорию и практику сценического искусства». Беллочка Шеншева оказалась в их числе.

Родина Мейерхольда — Пенза, родители — остзейская немка и местный водочный король, германизированный еврей, державший на столе фотографию Бисмарка с его автографом. В лютеранском крещении — Карл-Казимир-Теодор, в православном — Всеволод (в честь любимого писателя, Гаршина), будущий режиссер имел в анамнезе тяжелое пьянство деспота-отца и повесившегося в подвале брата. Недолго проучившись на юриста в Москов-

ском университете, он стал актером Художественного театра, на гастролях в Ялте сблизился с Чеховым, считавшим сыгранного им Треплева лучшей ролью в «Чайке», и даже жил у него на даче. Из-за конфликта с Немировичем-Данченко уехал в провинцию, работал режиссером в Николаеве и Херсоне, пока Комиссаржевская не пригласила его в свой петербургский театр. Здесь он поставил самый скандальный из его спектаклей тех лет, «Балаганчик» Блока. Когда опустился занавес, часть зала устроила овацию, другая — обструкцию. Возмущенные зрители топали ногами, какая-то старушка так лихо свистела в кольцо дверного ключа, что Мейерхольд, ценивший такие штуки, приветственно помахал ей со сцены.

Музыку к спектаклю написал поэт Михаил Кузмин, имевший консерваторское образование. С Мейерхольдом они были знакомы по религиозно-философским собраниям на «Башне» у поэта Вячеслава Иванова, т.е. у него на квартире в верхнем этаже дома с угловой башенкой возле Таврического сада.

Атмосфера на ивановских «средах» была раскованная: наряду с чтением стихов и рефератов, дискуссиями о дионисийстве и мировом эросе, на роль которого бывавший здесь Луначарский выдвигал пролетариат, участники этих «симпозионов» просто дурачились. Однажды Мейерхольд забрался под самый потолок по стремянке — и вдруг,

потеряв равновесие, плашмя рухнул с нее на пол. Пронесся вздох ужаса, но это оказался всего лишь трюк, демонстрирующий необходимое актеру умение владеть собственным телом; что-то подобное показывал он студийцам в школе Даннемана. В другой раз, покрыв нескольких человек пледом, превратил их в слона: сам исполнял роль хобота и передних ног, поэт Верховский — задних, прочие составляли туловище. Слон маршировал по квартире, лавируя между гостями и мебелью, все бурно веселились, между тем над затейником сгущались тучи — Комиссаржевская была им недовольна. Спектакли шли при полупустом зале, с актерами он ссорился, о ролях для великой актрисы, она же его работодательница, заботился мало. К концу сезона труппа оказалась на грани разорения, и Комиссаржевская его уволила.

Началась полоса безденежья, мучительная для отца трех малолетних дочерей. Ради заработка, кроме школы Даннемана, он пошел преподавать еще в пару подобных мест, но это отнимало много сил и времени. Убедившись, что все ученики поместятся у него в гостиной, Мейерхольд перенес занятия к себе домой, на улицу Жуковского — или, как ее в то время называли, Жуковскую. За шесть лет до того она была переименована из Малой Итальянской в честь 50-летия со смерти поэта.

Беллочка Шеншева ничего о Мейерхольде не знала и плохо понимала, кто он такой; ее привлекала

не репутация ниспровергателя основ, «театрального Магомета», а то, что предложенная им учебная программа приспособлена к исполнению музыкальных номеров и включает «овладение навыками ритмического движения на сцене». Ей хотелось не только хорошо петь, но и правильно двигаться в ролях своих оперных героинь.

«Красивым уродом» назвала Мейерхольда его гимназическая любовь и первая жена Ольга Мунт. Карикатурно большой нос, твердо вырезанная, изящная линия рта — первое, что бросается в глаза на его портретах. Высокий рост и сутулость не мешали ему прекрасно владеть своим телом, а в его актерских ухватках не было лицедейской протейистичности.

Этот Пьеро с «демонским», по определению Ахматовой, профилем должен был произвести сильное впечатление на ищущую себя в искусстве кронштадтскую барышню, но занятия продолжались недолго. Художник Александр Головин рассказал директору императорских театров Владимиру Теляковскому об изгнании Мейерхольда из труппы Комиссаржевской, «ибо он там чуть всех не перестрелял, до того увлекся новаторством», и Теляковский попросил Головина позвать к нему этого бунтаря. На другой день, как он потом вспоминал, «Мейерхольд, очень удивленный моему вызову, пришел и был, вероятно, еще более удивлен, выходя из моего кабинета уже принятым на службу в казенный правительственный театр».